

Рецензия на книгу:
Христофорова О.Б. Одержимость в русской деревне.
М.: Неолит, 2016. 392 с.

В 1970 г. в Пинежском районе Архангельской области проводилось психиатрическое исследование, в материалах которого описывается такая ситуация: «в Архангельский обком партии местные жители направили письмо, в котором просили разобраться и принять меры к лицам, “садящим икоту”. По заданию облздравотдела психиатр, невролог и лектор общества “Знание” вылетели в Суру. В эпидемию были вовлечены работники детских учреждений, школ, больниц, магазинов и т. д. Удалось выяснить, что эпидемическая вспышка икоты возникла после того, как несколько больных во время приступов произнесли фамилии женщин, которые якобы садят икоту. По отношению к этим лицам жители применяли различные репрессивные действия (одну из них они душили, кололи шилом, поджигали дом, и она вынуждена была покинуть свой дом и поменять место жительства). Начались судебные разбирательства. Здесь испокон веков бытовало представление, что “икота говорит” от имени “порчельников” и только кровь “чаки” (лица, способного “садить икоту”) может избавить их от болезни. Больные требовали публичного признания и снятия с них болезни, а когда те “отказывались”, расправлялись с ними по своему усмотрению».

Речь здесь идет, как можно догадаться, вовсе не об обычном сокращении диафрагмы, приводящем к безобидному и знакомому каждому иканию.

Икота, или пошибка – это болезненное состояние, при котором человек верит, что в него вселилось живое существо, специфиче-

---

© Ляхова Ю.В., 2017

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590-П «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

ский демонологический персонаж с таким же названием. Этот персонаж обосновывается в теле человека, в большинстве случаев женщины, наделяется именем (Василий Иванович, Муха, Федр Иванович или, например, Васька) и каким-либо образом проявляет себя в ее организме: может продуцировать осмысленные высказывания, может давать о себе знать иканием, характерной зевотой и выкриками, а может просто находиться, с точки зрения больной, в ее теле и вызывать какие-либо болезненные или неприятные ощущения, больше никак себя не проявляя.

Считается, что икоту насылают колдуны, ее можно получить в результате конфликта с кем-то из них или же «случайно», в результате нарушения какого-либо запрета или несоблюдения предписания.

Этот феномен фиксировался в Архангельской области, республике Коми и Коми-Пермяцком округе, на Урале и в Сибири. Хотя сегодня представления об икоте, а следовательно, и сама болезнь, постепенно исчезают на всей этой территории, в некоторых местах еще можно встретить икотниц, взять интервью у их родственников, знакомых и даже поговорить с самими икотами, часто вполне охотно вступающими в коммуникацию с собирателями.

«Одержимость в русской деревне» – уже вторая книга О.Б. Христофоровой, посвященная этому феномену. Результаты предыдущего исследования были опубликованы в книге «Икота: мифологический персонаж в локальной традиции». Новая книга частично повторяет предыдущую, но в ней представлено более детальное рассмотрение некоторых аспектов этого состояния: во-первых, икота поставлена здесь в более широкий культурный контекст. В главе «Научные интерпретации феномена икоты» проводятся параллели с различными традициями, в которых также распространен феномен одержимости: еврейский диббук, сибирский мэнерик, малайско-индонезийская лата и другие и дан обзор исследовательских интерпретаций этих состояний. Во-вторых, в новой книге икота рассматривается не только как социокультурный, но и как биологический феномен: подробно разбираются медицинские исследования икоты, приводятся факты о ее изучении и успешном лечении больных. Рассматривается не только конструирование «нарративов одержимости», но и конструирование самого психического опыта больных, который так же культурно обусловлен, как и былички и мифологические представления, окружающие это психическое состояние.

Итак, какие же *материалы* используются в книге?

Исследование основано на большом корпусе интервью, собранных непосредственно автором, на архивных данных и на материалах

других исследователей, собиравшихся вплоть до 2016 г. Автор книги работала в регионе Верхокамья в 1999–2016 гг., за это время был создан внушительный корпус интервью, а за счет долгого периода полевой работы у нее была возможность понаблюдать икотниц в ситуации живого общения. В результате часть исследования была сделана с опорой не только и не столько на тексты, сколько на различные ситуации живого бытования этой болезни и представлений о ней. Кроме того, в исследовании использовались обширные медицинские заключения и опубликованные медицинские исследования икоты.

Теперь несколько слов о *методологии*.

Во-первых, автор рассматривает отдельные *кейсы* – случаи и события, важные для понимания ситуации в целом. Различные ситуации фиксируются в поле, а потом подробно разбираются с разных сторон и точек зрения. Книга построена так, что первая глава – «Нарративы “болезни”» с головой окунает читателя в жизнь старообрядцев-поморцев, кержаков Верхокамья. Личные истории героев не вырываются из контекста их повседневной жизни, большие фрагменты интервью позволяют посмотреть на феномен одержимости, икоты, или пошибки, как ее еще называют сами кержаки, глазами носителей традиции. В результате он перестает казаться нам чем-то необычным. Оказывается, что икота для жителей этого региона – это почти такая же повседневность, как мытье пола, молитвы перед едой или муж-алкоголик. И в приведенных интервью видно, что все эти элементы повседневности, включая икоту, тесно взаимосвязаны в жизни носителей этой культуры. Важно отметить, что собиратели проводили интервью с одними и теми же людьми по несколько раз со значительными перерывами во времени. Это позволило, с одной стороны, отметить устойчивость нарративов об икоте, а с другой стороны, проследить некоторые их изменения.

Во-вторых, используется *структурно-функциональный подход*. Былички об икоте рассматриваются в первую очередь как назидательные тексты, направленные, помимо развлечения слушателей, на утверждение традиционных религиозных и социальных норм (считается, что икота попадает к человеку, нарушившему какой-либо запрет или не соблюдавшему предписание: не носящему крест, ругавшемуся матом и т. д.). Рассказы об икоте работают и на сохранение этноконфессиональных границ: для «чужаков» икота либо остается неизвестной вообще, либо их представления о ней сильно отличаются от кержацких, рассказы православных об икоте, по словам автора, оказываются маркером кержацкой культуры. Кроме того, икота является моделью для объяснения различных

заболеваний и физиологических состояний. Мало того, автор успешно рассматривает икоту как целый общественный институт, направленный на решение определенных социокультурных задач.

В-третьих, исследование построено с учетом методов *медицинской антропологии*: с одной стороны, в книге подробно рассматривается культурная составляющая этого феномена (контекст бытования болезни в кержацкой среде, отношение к ней самих больных и окружающих их людей, мифология и демонологические представления о болезни и т. д.), с другой стороны, внимание уделяется ее биологической составляющей.

Анализу *биологической стороны болезни* в книге посвящен целый раздел. В нем рассматриваются как существовавшие на Русском Севере народные способы лечения икоты, так и попытки исследовать этот феномен, совершавшиеся представителями официальной медицины.

Правда, автор замечает, что «народные средства против икоты указывают нам на то, что в основе этого заболевания могут лежать разнообразные соматические причины», хотя народные средства от икоты, насколько я поняла, не имеют каких-либо принципиальных и значимых отличий от народных средств от других болезней (использование различных трав с некоторыми полезными свойствами, заговоров и обрядов, обращение к магическим специалистам и использование креста, икон, конского волоса или шелковой нитки для лечения и облегчения приступов икоты). Использование подобных средств лечения не означает, что в основе всех этих болезней лежат соматические причины.

Тем не менее психосоматические расстройства, по-видимому, действительно имеют прямое отношение к этому заболеванию. Об этом можно судить по приведенным далее медицинским исследованиям икоты, сходных с ней состояний одержимости и других подобных расстройств.

Впрочем, я хотела бы подробнее обратиться к самому, на мой взгляд, интересному исследованию икоты, в котором, как отмечает О.Б. Христофорова, соматическим нарушениям у больных отводится меньшая роль, чем местным мифологическим представлениям и культурным реалиям. Это исследование В.В. Медведевой, проводившей работу в Пинежском районе Архангельской области. Оно проводилось в 1970–1979 гг., под наблюдением оказалось большое количество пациентов – 146 человек. Исследователь приходит к выводу, что проведение сеансов индивидуальной и коллективной психотерапии и объяснение в доступной форме больным причины и пути устранения их заболевания должны

дать положительный результат. С больными проводились сеансы психотерапии в сочетании с гипнотерапией и медикаментозным лечением. Немаловажной частью профилактики и лечения стало проведение просветительской работы среди населения и ряд других мер, в число которых специалисты включили рекомендацию «научить использовать ритуалы молитвы как аутотренинг нервно-психической сферы». Комплекс мер увенчался успехом и привел к выздоровлению 82,2% пациентов за 5 лет. Судя по успешности принятых мер, В.В. Медведева оказывается права в том, что отводит важнейшую роль в возникновении и развитии болезни местным мифологическим представлениям.

В целом тем не менее О.Б. Христофорова делает вывод, что все разработанные в XX в. методы лечения икоты (за исключением медикаментозной терапии) не являются принципиально новыми по сравнению с точкой зрения В.М. Бехтерева и других медиков начала прошлого века.

Важно подробнее остановиться на том, что автор совершает попытку ввести икоту в западную классификацию болезней, в частности принятую в США психиатрическую нозологическую систему DSM-5. В ней есть раздел «диссоциативное расстройство идентичности», который включает в себя и случаи патологической одержимости в разных культурах. Однако О.Б. Христофорова замечает, что икота не совсем вписывается в этот раздел и соответственно в классификацию в целом: существенной чертой расстройств, относящихся к данному разделу, помимо наличия в одном человеке по меньшей мере двух «персон», является амнезия. Больные икотой помнят высказывания икоты, могут коммуницировать с ней и даже в некоторых случаях по собственной воле дают ей высказываться. При этом автор резонно критикует существующее разделение на нормативные (культурно обусловленный вариант нормы) и патологические (проявления диссоциативного расстройства) формы одержимости и транса. В традиционном обществе сложно найти такие экстраординарные состояния, которые не были бы вписаны в культуру и не считались бы каким-либо из вариантов нормы (ср. шаманская болезнь, участницы культа зар в Северной и Восточной Африке, культ св. Константина на Балканах и многое другое).

Таким образом, оказывается, что икота – это локальный концепт, не имеющий однозначных соответствий в западной нозологии и объединяющий разнообразные соматические и психологические состояния.

Хоть и нельзя провести однозначные ни медицинские, ни культурные параллели, интересным и продуктивным оказывается **типо-**

логическое сравнение икоты с другими расстройствами подобного типа, которое проводится в исследовании.

Речь идет не столько о шеве – персонаже мифологии коми, с которой автор сравнивает икоту (о ней речь шла и в прошлой ее книге, и в других исследованиях на эту тему). В первую очередь я говорю о рассмотрении таких состояний, как, например, малайско-индонезийская лата – состояние, выражающееся в непроизвольных действиях и высказываниях обценного характера и в непроизвольном повторении слов и действий окружающих в ответ на какой-либо раздражитель. Оно также характерно в основном для пожилых женщин, единственное значимое отличие от икоты – лата не воспринимается как одержимость. Из-за иного культурного восприятия схожих расстройств симптомы этих состояний тоже имеют существенное различие: вторая «персона» при икоте способна к более «независимому» поведению внутри человека. Так же и еврейский диббук, вселяющийся, по мнению больных, в человека и вызывающий сходные симптомы, тем не менее принципиально отличается от икоты: считается, что это дух умершего, вселяющийся в живых людей, тогда как икота воспринимается кержаками как нечистая сила, часто насылаемая на больных колдуном.

Такие типологические сравнения позволяют, во-первых, выявить культурную специфику схожих психологических состояний; во-вторых, найти их единую биологическую и психологическую основу; и в-третьих, приблизиться к тому, чтобы все-таки вписать эту болезнь в существующие медицинские классификации.

Даже эти два примера показательны в плане того, что продуктивно рассматривать эти состояния не как определенную болезнь и «объективно фиксируемое расстройство», а как «дискурс одержимости» или же как элемент символического пространства, тесно связанный с другими элементами культуры. Схожие состояния могут интерпретироваться и как одержимость (икота и диббук) и как неопределенное расстройство (лата), больные могут страдать амнезией, а могут, как в случае с икотой, полностью осознавать и запоминать все, что происходит во время приступов. В зависимости от культуры, вторая «персона» может интерпретироваться как нечистый дух или как умерший предок, а иногда единственным симптомом болезни может быть сама идея одержимости (как в некоторых случаях икоты, когда других симптомов болезни нет). Все это культурно детерминировано и, как верно пишет О.Б. Христофорова, не может изучаться в отрыве от всего остального культурного контекста.

В книге дается попытка ответить на множество взаимосвязанных вопросов: как, что и о чем говорит икота и как это вписывается в культуру и фольклор, как формируется нарратив болезни и какую роль играет процесс рассказывания о ней, как передается болезнь, как происходит процесс научения способу, которым говорит икота, как нарративы о болезни получают важные для общества функции и как сама одержимая занимает важную общественную нишу, как выглядит икота и от чего это зависит?

Я бы хотела теперь подробнее остановиться на этом последнем, казалось бы, простом вопросе, которому автор уделяет много внимания.

Икота рассматривается, с одной стороны, в нарративах самих больных, с другой стороны, в нарративах их знакомых и других носителей традиции. Рассказы о получении болезни, о поведении икоты внутри человека и о попытках ее лечения довольно единообразны, при этом внешний вид икоты очень вариативен. Автор отмечает, что на облик икоты влияют два источника: христианская книжность и местная (коми / коми-пермяцкая по своему происхождению) мифология. Икота выглядит по-разному не только в представлениях разных людей, ее облик зависит от ситуации, а точнее – от рассказываемого сюжета: при получении икоты она может выглядеть как навозная муха, как соринка или волосок или не выглядеть вообще никак, при избавлении она будет похожа на что-то мясное, непонятное, всё в глазах или с головами на обоих концах, а внутри человека она может принимать различные образы, изменяющиеся в течение жизни. Так, облик этого персонажа зависит от рассказываемого нарратива, у рассказчиков это не вызывает противоречия, потому что в разных сюжетах персонаж имеет разные функции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ему в различных ситуациях приписывается разный внешний вид, который еще и коррелирует, по мнению автора, с ощущениями, которые вызывает икота у своей жертвы в разные моменты времени.

Итак, книгу характеризует рассмотрение предмета исследования с нескольких различных ракурсов и с использованием разных методологических подходов: в первой главе читатель погружается в нарративы самих больных, поставленные в контекст их быденной жизни и приведенные с минимальным исследовательским комментарием. Во второй главе рассматриваются научные интерпретации икоты. Исследование этого локального феномена поставлено в широкий контекст исследований одержимости; приводятся лингвистические и исторические данные, даны медицинские интерпретации этого феномена. В третьей главе речь

идет о семантике образа икоты и о генезисе этого персонажа, дается историко-культурное исследование происхождения этого образа, рассматриваются представления об ее имени, о речи этого персонажа и о его внешнем облике, о его функциях в быличках и меморатах. В четвертой главе анализируется прагматика нарративов, связанных с икотой, рассматривается, как сами икотницы выражают свой «хаос впечатлений», свои внутренние чувства в терминах и образах культуры и как потом эти рассказы передаются из уст в уста и претерпевают дальнейшие изменения под воздействием цензуры коллектива. Кроме того, автор делает короткий анализ гендерной специфики возникновения икоты.

Важным дополнением к книге служит указатель сюжетов и мотивов мифологических текстов об икоте.

Таким образом, эта работа важна не только для исследователей региона Верхокамья, но и как пример комплексного, разностороннего и методологически четкого исследования такого непростого для изучения феномена, как икота.

В заключение скажу, что это не только важное исследование с большим количеством введенных в научный оборот новых данных и отличным аналитическим аппаратом, но и просто очень увлекательное чтение: редко, когда длинные тексты антропологических интервью и сложные научные интерпретации читаются с такой легкостью и с таким упоением.